

УДК 13

М. В. Колмаков

ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Н.О. ЛОССКОГО И С.Л. ФРАНКА

Статья посвящена анализу различий в подходах к проблеме иррационального крупнейших отечественных мыслителей. Показывается влияние, которое оказало на их решения религиозные установки сознания и метафизическая традиция, в рамках которых они работали. Решения русских философов интересны своей альтернативностью основному направлению западной мысли, следующему духу рассудочного рационализма. Европейская философия не смогла соединить рациональное и иррациональное в человеке и бытии в единый синтез. И это одна из причин краха гуманистической традиции понимания сущности человека. Н.Лосский и С.Франк искали осмысления иррационального через тематику Богопознания, творчества, существования нравственных ценностей и зла. Их объединяет стремление восстановить утраченную теоретическую целостность бытия человека в положительном и оптимистическом духе.

Ключевые слова: *Метафизика, иррациональное, интуиция, познание, трансцендентное, бессознательное, субстанция, сознание.*

Kolmakov Michael V. TRYING TO UNDERSTAND A HUMAN IRRATIONAL IN PHILOSOPHIES OF N.O. LOSSKY AND S.L. FRANK PHILOSOPHY (Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies).

The article presents an analysis of differences in approaches to the problem of irrational suggested by the renowned national philosophers who give different interpretation of its place and significance in all the spheres of philosophy: ontology, gnoseology, antropology and axiology.

Keywords: *Metaphysics, irrational, intuition, cognition, transcendental, unconscious, substance, consciousness*

Отечественная философия XIX — начала XX века, опираясь на западную философскую традицию, тяготела к классическим формам и методам философского исследования, что нашло свое выражение в повышенном внимании к построению метафизических систем. При этом ее крупнейшие представители стремились в своем творчестве не отставать от общеевропейских новаций, сочетать новые и проверенные течения мысли. Одной из интереснейших проблем, недостаточно освещенных в традиционной онто-

логии и антропологии, была проблема иррационального, привлекавшая особенное внимание в философии двадцатого века. Естественно, что крупнейшие представители русской философской школы не могли ее полностью проигнорировать и обойти вниманием. Их выводы в этом вопросе отличаются от разработок западных философов более тесной связью с религиозными установками сознания, в связи с чем они и представляют особый интерес для исследования.

Одними из наиболее разработанных метафизических учений в отечественной традиции являются взгляды Н. Лосского и С. Франка. Особенно интересными их делает во многом противоположные подходы авторов, которые, стремятся как будто к тем же целям: обоснованию возможности интуитивного познания и определения отношения человека к миру. Н. Лосский сторонник традиционных философских подходов и понятийного аппарата, позиции которых он хочет укрепить своей теорией интуитивизма, а С. Франк представитель, по сути, экзистенциального направления в философии, религиозного ее течения. Этим мыслителей объединяет религиозно-гуманистическое осмысление тематики человека.

Проблема иррационального присутствует в их творчестве, конечно, не только том виде какой был, например, у Н. Гартмана, А. Шопенгауэра или З. Фрейда. Последние его абсолютизировали в том смысле, как им это представлялось удобным, и прежде всего подчеркивали аспект бессознательного. У отечественных мыслителей иррациональное присутствует на границах познания и бытия, это — неведомое, прежде всего в онтологическом, гносеологическом, аксиологических смыслах. Оно может рассматриваться и как досознательное и подсознательное и сверхсознательное. Христианская теология уже в древности придерживалась апофатического подхода к сущности абсолюта и возможностям его познания. Представители отечественной идеалистической философии принимают это как аксиому. При этом сама проблема осмысления Божественного первоначала остается. Например, для С. Франка Божество это реальность стоящая выше любых определений, чистая возможность бытия, никогда не могущая быть актуализированной в полном объеме в чем — то от себя отличающемся. Путь холодных умозаключений, и по мнению Н. Лосского, не подходит для поисков Бога, он ведет к абстрактному «ничто», не приемлемому для религиозного чувства. Чтобы трансцендентное стало значим в его опознании должны участвовать и чувства и воля, то есть иррациональный компонент человеческого бытия. Встреча человека и Бога возможна только через молитву и сверхрациональную интуицию.

И Николай Лосский, и Семен Франк используют понятие металогический, как обозначение реальности превосходящей познавательные способ-

ности человеческого разума, в смысле сверхсознательного, а отнюдь не бессознательного или досознательного, хотя последний смысл и не вполне чужд Н. Лосскому, когда он говорит о разрабатываемом им понятии досознательной гносеологической координации субъекта и объекта¹. Рациональное имеет четко очерченные границы согласно логическим законам тождества, противоречия, исключенного третьего. Существование иррационального обосновывается тем фактом, что любая определенность предполагает в качестве своего необходимого фона наличие некоторой неопределенности распространяющейся на весь остальной мир².

Оба строят метафизические системы, понимаемые как учение о мире в целом, а не только и не столько как сверхчувственных и трансцендентных сторонах бытия. Если для Н. Лосского, в согласии с принципами его интуитивизма, бытие и мир познаваемы, то для С. Франка, ситуация более сложна, природа бытия непознаваема по существу, как он считал — она непереложима на язык понятий, но последнее не отменяет возможности познавательной деятельности, идущей всегда параллельно с тайной непостижимого. Предмет познания — «непостижимое» требует для своего осмысления постоянного совершенствования понятийного аппарата, предполагающее диалектические методы. Рациональное и иррациональное у С. Франка находятся в неразрывном единстве согласно принципу разработанного им «антиномистического монодуализма», предполагающего единство отдельности и взаимопроникновения этих сторон бытия³. Этот подход связан с пантеистическими тенденциями учения о всеединстве, когда Бог не может мыслиться отдельно от мира. Бытие отождествленное с абсолютным должно, естественно, включать в себя все мыслимые явления. С. Франк разделяет критику понятия субстанции, предусматривающего необходимость различения носителя и его качеств. Теистическое учение Н. Лосского, напротив, специально подчеркивает надмировое и надсистемное начало в Боге, его принципиальную отделенность от мира. Библейское сотворение мира из «ничто» берется как необходимая догма, для обоснования учения о системности и органическом характере мира, так как утверждается, что системность может быть логически мыслима лишь при допущении существования сверхсистемного начала. Н. Лосский стремится по возможности придерживаться положений христианского вероучения. Например — в абсолютном нет места для зла.

Рассмотрение природы человека, соответственно, несет на себе отпечаток различий этих подходов. У С. Франка, сравнительно с Н. Лосским, поэтому значительно более ярко выражен философский, нежели богословский

---

¹ Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. — М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1999. — С. 149.

² Там же, с. 259.

³ Франк С.Л. Сочинения. — М.: Правда, 1990. — С. 403.

аспект. Антропология последнего является разработанной на основе учения о субстанциальности деятелей, под которыми он понимает действующие силы любого уровня реальности: от атома до человеческого я. Субстанциальный деятель является сотворенным по образу и подобию Бога. Учение о субстанциальных деятелях, находящихся в своей сути вне пространственно — временных форм бытия, могущих занимать внешнюю позицию наблюдателя, по отношению к своим состояниям сознания предполагает возможность полного осмысления этих состояний. Проявления психической жизни человека являются формой творчества его субстанциального деятеля и потому не могут считаться чем-то иррациональным и металоогическим. Н. Лосский, в принципе, стремится удалить из своих построений все намеки на возможность существования бессознательного пласта бытия. Эмоции, чувства лишь модусы, состояния субстанциальных деятелей, от влияния которых последние могут освободиться и которые поэтому не являются независимой реальностью по отношению к разуму, а порождены его деятельностью. Бессознательное остается таковым, лишь пока на него не обращено внимание и оно не познано. Весь мир устроен разумно в соответствии с конституирующей основой, тем, что Н. Лосский называет «отвлеченным логосом». Все деятели единосущи в нем. Именно он обеспечивает возможность мыслить единство бытия. Подобный подход значительно суживает возможности человека в области творчества, которое является в конечном итоге лишь воспроизведением в сознании человека, тех или иных аспектов уже существующих идеальных начал. Человек здесь, выражаясь словами Н. Бердяева, не является сотворцом Бога.

С. Франк не имеет столь тщательно разработанной метафизической теории сущности человека, зато он дает значительно более содержательный и интересный философский анализ многих моментов деятельности сознания при осмыслении им мира и Бога, показывая при этом естественную логику движения мысли. Н. Лосский следует дедуктивным путем, выводит свои положения исходя из принятых им общих принципов. С. Франк движется в противоположном направлении: двигаясь извне внутрь. Осмысление бытия у него предшествует осмыслению сущности человека, одно плавно перетекает в другое. Он другим путем приходит к осмыслению природы я и личности человека, неразрывно связанными с общей таинственностью бытия. У Н. Лосского личность, я человека и субстанциальный деятель по сути являются синонимами, они завершены, совершенны и лишь раскрывают свое содержание в процессе своего бытия. С. Франк рассматривает их в рамках процесса становления как нечто не завершенное, а лишь обретающее свои границы в процессе познания, причем эти границы не являются потенциально заданными и определенными чем бы то ни было. Я человека

его самость, не есть выражение духа как предела, а лишь пограничное явление, соприкасающееся с областью непознанного. Реальность их постоянно расширяется в процессе трансцендирования, выхода за пределы самого себя в акте познания. «...Все сущее есть и то, что оно еще не есть»¹. Я человека не имеет в себе опоры, оно может существовать лишь «прислонясь» к чему то, что вне его, к Божеству. Дух человека это то, что выходит за пределы я². Идея изолированной субстанции неприемлема для С. Франка, она представляется ему как несуществующая абстракция. Он ищет другой подход к тайне, говорит о парадоксе когда имманентное является одновременно и трансцендентным. Творчество есть процесс трансцендирования человеческой личности изначально раздвоенной между рациональным и металоогическим аспектами бытия. Творчество есть осмысление, а не постижение бытия. Процессы познания и творчества в значительной степени совпадают. Иррациональное всегда присутствует при трансцендировании как прорыве к реальности. Оно может проявляться не только в положительном смысле, но даже и как некоторые «темные, злые, опасные силы». Эти силы, по Франку, имеют характер обольщения и принуждения, именно как нечто непознанное, непонятное. Для нашего самобытия они имеют характер «внутренней объективности», и присутствуют как составляющая сознания. Здесь, по его мнению, открывается истина этического рационализма, что зло это нечто непознанное или заблуждение. Рациональное, таким образом, является важнейшей частью духовного бытия. Духовное бытие в то же время не может быть исчерпано логически определимым содержанием. Н. Лосский, очевидно, предполагал причину зла в неверно выбранном направлении воли субстанционального деятеля, а не в ограниченности его познавательных способностей.

В гносеологии оба мыслителя являются сторонниками возможности интуитивного познания мира, но возможности его оцениваются в соответствии с общим духом систем. Для С.Франка основным предметом интуиции является бытие и Божество, которые в конечном счете непостижимы и это вызывает благоговейный трепет. У него интуиция в конечном итоге переходит в форму откровения бытия Божества. Для Н. Лосского предмет интуиции бытие и субстанциональное я человека, первое по сути не является тайной поскольку всегда и исчерпывающе полно дано в интуитивном акте познания, пусть даже и в не до конца отрефлексированной форме. Второе тоже не является трансцендентным — «Образцом субстанционального деятеля, близко и интимно знакомым, может служить для каждого человека его собствен-

---

¹ Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — С. 250.

² Франк С.Л. Сочинения. — М.: Правда, 1990. — С. 402.

ное «я»¹. Правда «я» человека, как сверхвременная и сверхпространственная сущность, требует для своего познания более сложных предварительных условий, таких, например, как нравственное очищение души. Но и при этом у Н. Лосского декларируется отсутствие разрыва с разумным познанием: «Великие мистики-философы ... обладают повышенной чуткостью к рациональному аспекту бытия. Они выходят в область сверхрационального не только на основании мистической интуиции, но еще и потому что строгая последовательность рационального мышления обязывает их восходить в более высокую сферу»². Сверхрациональное понимается здесь не в смысле металогичности, это понятие относится Н. Лосским только к Богу, а подобно тому как Гегель обозначал разумное познание, противопоставляя его рассудочному познанию, заявляя при этом, что все разумное можно назвать и мистическим.

Концепция Н. Лосского, предполагая идеал единства всех субстанциональных деятелей, не оставляет места для чего то скрытого и интимного, хотя он сам говорит о единстве как интимной связи. Не совсем понятно, что же может быть интимного в состоянии открытом всем. Ведь состояние других личностей, их мысли и переживания постигаются интуитивно как свои собственные для познающего субъекта. Тем самым, по мысли Н. Лосского, преодолевается ущербность и неполнота индивидуального бытия, она дополняется чужим опытом. Целесообразность, как основной закон бытия, оставляет место для иррационального в аксиологии, разве что в проблеме свободы. Свобода мыслится Н. Лосским как условие нормы поведения, а последняя как следование идеалу, созерцаемому Богом. Отказ от этой нормы ведет к потере творческой свободы, за счет уменьшения возможностей использовать силу единства, но формальная свобода увеличивается. Зло здесь есть лишь нарушение естественной иерархии ценностей, когда нечто частное и второстепенное односторонне выпячивается в ущерб целому. Свобода, у Н. Лосского, ограничивается злом, но не уничтожается вообще. С. Франк считает, что свобода, порождающая зло, вообще не есть истинная свобода, а ложная. Она порождается ложным, заблуждающимся «я» человека, далеким от богоподобия. И зло есть проявление несвободы. Здесь С. Франк, кажется, ближе к традиционно рационалистической философской установке, чем к духу своего учения. С ним в таком подходе согласился бы и Б. Спиноза. Только путь преодоления зла иррационального у русского философа другой, не через разумное познание, а веру. С. Франк считает, что зло как таковое понять, не только невозможно, но даже и не следует пытаться

---

¹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. — М. Политиздат, 1991. — С. 53.

² Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. — М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1999. — С. 281.

это делать, потому что с нравственной точки зрения — это есть попытка оправдания его, что естественно недопустимо. Человеку достаточно возможности замечать зло, понимать его ненужность. Н. Лосский же предполагает, в вполне традиционном подходе, что непонятого и иррационального в конкретных проявлениях зла ничего нет.

Этих мыслителей объединяет в этической проблематике общая установка, что жизнь взятая сама по себе бессмысленна. Бессмысленность понимается как отсутствие абсолютного блага. Она преодолевается только верой в высший порядок вещей, происходящий от Бога. Эту правду, по С. Франку нельзя обосновать логически, разумно и она есть дар свыше. Нравственные ценности не могут быть основаны рационально, они выше этого по своему божественному происхождению. Н. Лосский принимает веру как само собой разумеющееся, естественное продолжение разумного познания, подошедшего к своему пределу, и не видит проблемы в самом её феномене, не пытается осмыслить. Вера умное познание для него, не противоречит в сущности разуму. И абсолютные ценности по своему существу глубоко разумны. Для С. Франка вера свидетельство столкновения истин разных порядков, причем одна отрицает другую и примирение, по видимому, невозможно. Это проявляется как моральная проблема выбора, когда дух человека обращается к своим глубинам для постижения истинной своей природы, не ограниченной чувственной видимостью. Последняя есть соблазн, заблуждение при слабости веры, без которой, человек становится доступным мировому хаосу, постепенно овладевающим душой. Греховная природа человека есть, таким образом, проявление общей мировой иррациональности. Впрочем, трактовка сознательного начала в человеке у С. Франка несколько расширенная, его главная особенность не обнаружение уже существующего в мире порядка и следование ему, а, напротив, созидание нового порядка в творческой активности сознания. Сознание должно разрушать существующие закономерности эмпирического бытия на пути к высшей свободе. Н. Лосский считает, что преображение разумности или же не разумности бытия является прерогативой Бога, от человека же требуется обнаружение высшей рациональности воплощенной в уже существующем мире. В системе С. Франка между Богом и человеком нет ничего кроме эмпирического мира, Н. Лосский же предполагает существование финального бытия «Царства Божия» как воплощение высшей рациональности, свободной от недостатков человеческой рассудочности и ограничений телесно — материальных, а так же его потенциальный проект, обозначаемый как «отвлеченно — идеальное бытие». Именно «Царство Божие» дает возможность достичь «обожения» в единение с высшей реальностью. Насколько это вообще доступно для созданного творения. С. Франк основное внимание уде-

ляет личным усилиям и отношениям между Богом и личностью, не предполагая других путей, даже интуитивное, мистическое познание у него остается, по сути, в пределах эмпирического мира. По крайней мере, осмысление его содержания проводится С.Франком исключительно в терминах посюсторонних. Трансцендентность скорее декларируется, нежели обнаруживается.

Подводя итоги сравнительного анализа двух выдающихся представителей отечественной философской традиции, относительно места, занимаемого в их концепциях понятием иррационального, можно еще раз констатировать, что с точки зрения религиозного сознания их оценки будут неоднозначны. Философский подход Н. Лосского является, несмотря на внешне декларируемую большую приверженность религиозным постулатам, в большей степени рационалистическим, напоминающим о философских идеалах эпохи Просвещения, слишком мало остается у него для тайны, являющейся необходимостью для всякого религиозного сознания. Для него иррациональное начало временно, оно, с онтологической точки зрения, — еще не проявившаяся рациональность божественного, психическое, еще нуждающееся в осознании и преображении в разумность. В некоторых случаях кажется, что иррациональное у него отождествляется с отвлеченным, абстрактным, неконкретным. Учение же С.Франка об иррациональном предполагает его изначальность и нераскрываемость, это извечная тайна бытия, не постижимая разумом. «...Сфера подлинно познанного всегда уже сферы познаваемого»¹. Он не хочет уничтожения иррационального, а обосновывает его необходимость в человеке, пытаясь достичь синтеза всех сторон его бытия. И в этом ракурсе для современного философского подхода взгляды С.Франка выглядят лучше вписывающимися в общее развитие европейской философской мысли в XX веке. Хотя и следует отметить, что система Н. Лосского является, с аксиологической точки зрения, более целостной и оптимистичной, выражая позитивный аспект традиционных религиозных ценностей.

В рамках развития европейской философии, особенно в контексте гуманистических ценностей, которые именно в это время — первой половины 20 века, начали испытывать серьезный кризис, связанный с потерей классических метафизических основ философствования, исследования русских мыслителей в поисках субстанциональных основ личности представляются достаточно серьезной попыткой спасти гуманистическое мировоззрение. Н. Лосский представитель классической, еще докантианской, идущей от Лейбница и средневековья, традиции субстанциального, то есть целостного понимания человека в рамках христианско-спиритуалистического подхода.

---

¹ Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: ТЕПРА Книжный клуб; Республика, 1999. — С. 720.

Для него разум, сознание самая сущность бытия, все остальное в идеале должно стать разумным и осмысленным в процессе эволюции мира и человека, как это и предначертано изначально в планах божественного провидения. Проблема иррационального в человеческом бытии хоть и необходимая, но временная, она не ставит неразрешимых проблем и не приходит в противоречие с христианскими ценностями. Это решение удовлетворительно только для религиозного сознания, не утратившего веры, но не для европейцев, стремительно утрачивавших в это время свои традиционные ценности, в основе которых лежала, начиная с XVIII века, даже не христианская, а гуманистическая традиция, уже довольно равнодушная к проблеме духовного и озабоченная решением посторонних проблем здесь и сейчас. Понятие иррационального здесь оказалось одним из факторов разрушающе действовавших на культ разума, рациональности. Творчество, например М. Хайдеггера, является ответом европейской культуры на вызов иррационального, путем отказа от традиционной метафизической законченности и оформленности человеческого бытия. И С. Франк примыкает к этому ответу, действуя в духе Хайдеггера, решительно вводя иррациональное в человека, не как чуждое и временное, а как свободу, основу творчества, залог возможностей развития. Различие же между ними заключается в специфичности религиозного подхода, когда одни и те же проблемы оцениваются с различных аксиологических позиций, религиозное мироощущение менее трагично и пустынно на фоне бесконечно-проблемных перспектив. Отказавшись от метафизического понимания сущности человека, европейские мыслители потеряли аксиологическую высоту оценки иррационального, сузив его до инстинктивно животного начала в бытии, если даже не бытового. В этой иррациональности нет места нравственному росту и совершенствованию человека, остаются лишь неразрешимые для физического плана бытия проблемы, превращающиеся в проклятия человеческому роду. Отечественные же мыслители решали проблему иррационального во взятом в самом широком смысле онтологическом плане, что в рамках монистического мировоззрения позволяло соединить, трудно соединимые в других отношениях рациональное и иррациональное начала в человеке.

Литература

1. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. В 2-х частях СПб.: Алетейя., 2000. 413 с.
2. Евлампиев И.И. История русской философии М.: Высшая школа, 2002. 584 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах М., Ростов н/Д: АСТ, Феникс, 1999. 544 с.
4. История философии: Запад — Россия — Восток. Кн.3 Философия XIX—XX вв. М.

Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. 448 с.

5. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический Проект, 2007. 558 с.
6. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 416 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
8. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1999. 408 с.
9. Некрасова Е.Н. Живая истина. Метафизика человеческого бытия в русской религиозной философии XX века. М.: Мартис, 1997. 160 с.
10. Новиков А.И. История русской философии X—XX веков. СПб.: Лань, 1998. 320 с.
11. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 992 с.
12. Франк С.Л. Сочинения М.: Правда, 1990. 608 с.